

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Р.С. Гринберг,

*член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук,
профессор, директор Института экономики РАН*

Финансово-экономический кризис в мире и России

Постсоветская Россия, еще не выйдя из кризиса системной трансформации, столкнулась с глобальным финансовым и экономическим кризисом. Несмотря на недолгую историю российского капитализма, к этому прямо вели не только ошибки политики реформ в период «бури и натиска» 90-х годов, но и просчеты и промахи финансовых властей России в условиях ее достаточно благополучного развития в 1999–2008 гг., обеспеченного, прежде всего, высокими мировыми ценами на углеводородное сырье. Тем не менее за сравнительно короткий по историческим масштабам промежуток времени в Российской Федерации сформировалась рыночная экономика, достаточно глубоко интегрированная в мировую. И неудивительно, что наряду с экономикой многих стран планеты российская экономика в настоящее время тоже переживает рецессию. Но пришел этот кризис извне.

Длительный период благополучного развития экономики США в 90-е годы привел к ослаблению бдительности и благодушию со стороны контролирующих и регулирующих финансовых органов. Ипотечные кредиты выдавались не только под низкие проценты, но и без должной проверки кредитных историй и финансовых возможностей заемщиков. Это привело к раздуванию мыльного «пузыря» на рынке ипотечного кредитования, который, как и следовало ожидать, должен был вскоре лопнуть.

Обострилось также противоречие между космополитизмом капитала и суверенитетом национального государства как формы организации общества, между процессами глобализации, в основе которой ле-

жит либерализация самых разных форм социального и экономического общения, их гармонизация и унификация, и политической властью, все еще сконцентрированной на уровне государства. Нарушился баланс между традиционными государственными институтами принятия решений и новыми финансово-предпринимательскими центрами, контролирующими ресурсы, необходимые для их реализации.

Еще одна причина, спровоцировавшая кризис, – это появление новых форм денег и новых финансовых инструментов, которые создает информационно-технологическая революция. Впору говорить о модификации механизма мультипликации денег, о превращении финансовых инструментов в электронные записи и появлении с середины 80-х годов прошлого столетия производных финансовых инструментов (деривативов). На середину 2008 г. объем рынка деривативов достиг 683 трлн долл. США, а объемы оборота превысили 1,5 квдр долл. США. Таким образом, виртуальная экономика – мощный источник «пузырей» – превысила реальную на порядок: глобальный ВВП в это время составлял всего 68 трлн долл. США.

Наконец, одна из важных причин кризиса сводится к тому, что поведение и мотивация менеджеров значительно отличаются от мотивации и поведения собственников. Владельцам крупных корпораций трудно уследить за тем, как в них реализуются интересы собственника. Делом управляют менеджеры, и задача перед ними обычно одномерная и в каком-то смысле техническая – максимально быстро обеспечить прибыльность фирмы. Их благополучие не слишком зависит от репутации и долгосрочных перспектив фирмы. Поэтому банков-

кие менеджеры могут направо и налево раздавать кредиты, которые собственник никогда бы не одобрил, но которые в данный момент обеспечивают хороший баланс. Устранение этого конфликта интересов собственника и менеджера остается нерешенной задачей.

Итак, нынешний кризис для России – импортный «продукт», она стала его жертвой, как, впрочем, и другие государства. Общее для всех стран заключается в том, что рецессия, по всей видимости, будет носить затяжной и глубокий характер. Степень глубины не везде одинакова, но везде она достаточно очевидна. И решения по выходу из кризиса всюду принимаются тоже примерно одинаковые. Повсеместно наблюдается, например, накачивание ликвидности. Эти меры известны, они активно проводятся в жизнь, в том числе и в России.

Проблема в том, что, к сожалению, и американские, и европейские, и российские, и китайские рынки пока слабо верят в эти спасательные операции. Людвиг Эрхард как-то заметил, что 50% экономики – это психология. Именно это мы сегодня и наблюдаем. Стадное поветрие последних 10 лет – безудержное мотовство (а по словам французского философа-моралиста Пьера Клода Буаста, «мотовство – это смерть достатка»), когда весь мир жил не по средствам, сменилось на другое стадное чувство – унылую прижимистость. Очень важная деталь: антикризисные меры и программы запаздывают, особенно в отношении «реального сектора» экономик разных стран. Правда, нужно заметить, что правительствам удалось предотвратить коллапс банковских систем (в том числе и в России) мерами «мягкой национализации» – накачкой ликвидности и вхождением государства в капитал коммерческих банков.

С мая 2008 г. банковская система России стала испытывать недостаток ликвидности, вызванный значительным сокращением привлекаемых из-за рубежа средств и бегством спекулятивного капитала. Все это, в свою очередь, вызвало значительное сокращение объемов производства в некоторых отраслях, а следом – сокращение занятости.

Для поддержания ликвидности отечественной банковской системы российское правительство и Центробанк РФ выделили огромные средства: в общей сложности не менее 6 трлн руб., из них свыше 1 трлн руб. влили в национальную банковскую систему, в том числе 50 млрд долл. США, переведенных во Внешэкономбанк для обслуживания корпоративных кредитов. Нужно отметить, что возвращать заемные средства российским банкам и корпорациям приходится не только с процентами, но и по другой стоимости доллара США вследствие 35%-й «плавной» девальвации рубля в конце 2008 – начале 2009 г. В то же время ЦБ пришлось прибегать к значительным валютным интервенциям, чтобы предотвратить еще более крупную девальвацию, и в результате золотовалютные резервы РФ сократились за последние полгода более чем на 200 млрд долл. США – с 585 до 380 млрд долл.

Дело в том, что замедление роста мировой экономики привело к резкому уменьшению внешнего спроса на углеводородное сырье и металлы, которые экспортирует Россия, а в результате существенно снизилась ожидаемая валютная выручка. К сожалению, по-прежнему основа экономики России – это экспорт природных ресурсов, а это значит, что мировой экономический кризис еще долго будет влиять на ее экономику.

Самый главный урок последних «тучных» лет для России: власть не использовала благоприятную конъюнктуру, когда «нефтегазовые» средства можно было направить на модернизацию экономики, на реализацию инфраструктурных проектов. Это, кстати, помогло бы решить и проблему высокой инфляции в стране. Сегодня уже невозможно отрицать, что основная причина высокого роста цен вовсе не монетарная, она заложена в несовершенной структуре российской экономики. Нормальная экономика – с мощной инфраструктурой, богатым товарным предложением, развитой конкуренцией – реагирует на рост покупательной способности увеличением производства. А российская отвечает ростом цен. Проблема в том, что в России слишком мало производителей товаров и

услуг и нет эффективной антимонопольной службы. В результате в российской экономике в последние годы, с одной стороны, консервируется примитивная структура экономики, с другой – увеличиваются темпы инфляции.

Собственно говоря, это закономерный общий результат экономической политики страны, основной задачей которой с 1992 г. была макроэкономическая стабилизация. Как известно, главный ее элемент – это низкая инфляция, а ее как раз и не удалось добиться.

Неизбежность развития системного кризиса в России была предопределена сложившимися в 2000-х годах механизмами финансирования банков и предприятий. Банк России эмитировал рублевые средства под аккумуляцию иностранной валюты в золотовалютных резервах. Сокращение же экспортной выручки российских экспортеров в результате резкого падения мировых цен на углеводородное сырье привело к относительному сжатию денежной массы, что только усугубило коллапс межбанковского кредитного рынка.

В 2009 г. кризисные явления в реальном секторе экономики продолжали нарастать. Промышленное производство в России в 2009 г. по сравнению с 2008 г. упало на 9,3%, а инвестиции – на 16,2%. Уже в первой половине 2009 г. было очевидным, что чисто монетаристские методы выхода из глобального финансового кризиса в России не дают результата.

Монетаристские антикризисные меры, проводившиеся с решительным упором на денежно-кредитное регулирование, привели к резкому сокращению международных и резервного фондов (с 01.09.2008 г. по 01.01.2011 г. на 220 млрд долл. США), образованию значительного дефицита бюджета (5,9% ВВП в 2009 г. и 5,3% в 2010 г.) и, по сути, не повлияли на улучшение реального сектора экономики страны.

Приросты экономических показателей в 2010 г. (ВВП – 4%, промышленного производства – 7,6%, инвестиций – 2,5%), обеспеченные главным образом нефтегазовыми доходами, не восполнили падения их объемов, происшедших в 2009 г. И официальные прогнозы Минэкономки становятся

все мрачнее. Прогнозируемые среднегодовые приросты на 2011–2013 гг. ВВП и промышленного производства (по 4,2%), инвестиций (6,9%) обеспечивают достижение уровня 2008 г. этих показателей лишь соответственно в 2012, 2011 и 2013 гг.

В сформированных доходных частях федеральных бюджетов на 2011–2013 гг. основное место по-прежнему принадлежит нефтегазовым доходам. В бюджете 2011–2012 гг. на них приходится 46,2% и в 2013 г. – 44,8%, т. е. существенно выше уровня докризисного 2007 г. (37,2%).

Нефтегазовые доходы рассчитаны исходя из достаточно высокой цены на нефть (75–79 долл. США за баррель), а сегодня цена фактически складывается еще выше – 95–100 долл. за баррель, что гарантирует прибавку в казну более 1 трлн руб. Выздоровление экономики, как видно, происходило и происходит на нефтегазовой основе. В правительственных кругах, вероятно, наступила самоуспокоенность: решительных действий по извлечению уроков из кризиса, по сути, не предпринимается.

Оценивая антикризисные меры российского правительства, отметим, что их объем достиг более 11 трлн руб. Первые антикризисные мероприятия составляли 4 трлн руб., а с учетом различных налоговых стимулов – 6 трлн руб., или почти 14% ВВП (в США – 25% ВВП). В IV кв. 2008 г. эти показатели уточнялись и дополнялись, в итоге составив 9 трлн руб. (21,7% ВВП), и в последующем периоде их добавилось более чем на 2 трлн руб. (общий итог – 27% ВВП).

Главные антикризисные меры: предоставление ликвидности банковскому (беззалоговые аукционы, субординированные кредиты, гарантии Банка России на межбанке, расширение ломбардного списка) и частному сектору, средства которому выделялись через специализированные государственные институты – Сбербанк РФ, ВЭБ, ВТБ, Газпромбанк и т. п. Были также предприняты меры по санации проблемных банков, стимулированию концентрации банковского капитала (сделки слияния-поглощения); введение государственной гарантии 100% сохранности по вкладам физических лиц в размере до 700 тыс. руб.; поощрение символических покупок про-

блемных банков государственными или квазигосударственными структурами. Остается надеяться, что все эти меры заработают не только в результате оживления внешнего спроса на традиционные топливно-сырьевые товары российского экспорта, но и в силу того, что начнет приносить плоды объявленная правительством В. Путина политика диверсификации структуры экономики страны. Здесь уместно вспомнить, что слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой – «благоприятная возможность». Кризис – это очищение от старого и, действительно, «благоприятная возможность» начать новое. Российские власти просто обязаны скорректировать экономический курс страны, заняться развитием инфраструктуры, диверсификацией отечественной экономики, развитием высоких технологий.

Мировой финансовый кризис со всей очевидностью продемонстрировал крах философии безбрежного экономического либерализма. Это может стать его важнейшим уроком. В сущности, он явился следствием тридцатилетнего господства в мировой (а с начала 90-х годов и в российской) экономической политике идеологии «свободного рынка» – нелиберализма, главная идея которого состояла в том, что деятельность государства должна сворачиваться в пользу сил саморегулирования. Теперь же стало очевидно, что неконтролируемый и нерегулируемый рынок только подрывает устойчивое развитие мировой экономики.

Сегодня вновь приходится констатировать, что без мощной и регулярной государственной активности в нынешней экономике не обойтись. Но нужно избегать и другой крайности – сочетания гипертрофированного обобществления с порочным протекционизмом. Россия все это уже проходила с удручающими результатами. Выход из кризиса требует формирования новой, инновационной, модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования. В этой модели социальная составляющая, социальная справедливость должна быть не антитезой, а необходимым условием повышения экономической эффективности, своего рода критерием

при институционально-структурных преобразованиях.

Новая модель экономики – поиски на пути модернизации страны

Умение генерировать новые знания, быстро трансформировать их в новые разработки, товары и технологии становится сегодня решающим условием экономического развития, могущества и международной конкурентоспособности бизнеса и национальной экономики в целом.

Два десятилетия рыночного реформирования отечественного народного хозяйства оказались, в сущности, потерянными для его модернизации. В настоящее время только 8–10% роста экономики РФ достигается за счет высокотехнологических секторов (в высокоразвитых странах – до 60, в США – до 80%); доля России в наукоемком экспорте не превышает 0,5%; доля расходов на науку в ВВП по прежнему не превышает 1,5%, что явно ниже аналогичных показателей современных высокоразвитых стран Запада, Японии, а в последние годы и Китая. При этом доля накопления в российском ВВП составляет менее 20%, а это чрезвычайно низкая величина для страны, которая претендует на ускорение развития. Здесь нижний порог доли накопления – 25–30%, но и этот показатель недостаточен для инновационного прорыва, в котором остро нуждается страна.

Приходится констатировать, что за годы реформ в новой, уже рыночной экономике, заметно выросла доля топливно-сырьевого сектора и, соответственно, продолжила действовать тенденция ее примитивизации. Правда, недостаток серийного производства готовых изделий, способных конкурировать с импортными, всегда был ахиллесовой пятой России. В штучном производстве мы преуспели, а вот системы серийного производства и массового сбыта изделий – особенно потребительских товаров – в сопоставлении с западными аналогами выглядели, как правило, бледно.

У лиц, отвечающих за экономический блок в правительстве, к счастью, уже перестала доминировать мысль, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыноч-

ных сил саморегулирования. Новый девиз руководства: «нужны надежные институты». А раз это так, то правительство обещает сосредоточить внимание на завершении формирования законодательства под цивилизованную рыночную экономику и позаботиться о пресечении так называемых неформальных экономических отношений и о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо указывается в этой связи на повышение эффективности антимонопольного регулирования, соблюдение прав собственности и контрактного права. Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов, по борьбе с коррупцией, развитию инновационного малого и среднего бизнеса. Правда, все это сочетается с курсом на последовательную и тотальную коммерциализацию и приватизацию социальной сферы.

Теория и мировая практика успешных модернизаций показывают, что если конкретная политика будет ограничиваться только такими задачами – а они разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики, – радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране не удастся. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно: во-первых, и в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых – если, конечно, сохранится теперешняя беспрецедентно высокая степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России, в принципе, не имеет ограничителей, ибо в отличие от других постсоциалистических стран ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского союза. А ведь именно эти нормы служат гарантией цивилизованного и рационального развития экономики. Но Россия уж точно не будет членом ЕС даже в долгосрочной перспективе. Значит, ей придется выработать собственное видение будущего экономики, ее структуры, целей и средств экономической политики – все применительно к российским обстоятельствам. Иначе хозяйство России,

как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, станет объектом других, более мощных экономических игроков, без каких-либо шансов на укоренение здесь «еэсовского» институционально-правового каркаса. Утрата субъектности, а следовательно, и примитивизация российского хозяйства при таких условиях окажется необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли, обладающие реальным экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы для развития.

Изложенному сценарию пока еще сохраняется реальная альтернатива – активизация имеющегося научно-производственного потенциала для достижения и поддержания приемлемого уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Но такая альтернатива никак не сможет реализоваться спонтанно, без рационального участия государства, что предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Для этого надо выделить три категории хозяйствующих субъектов, требующих государственной опеки.

Во-первых, надо выявить небезнадежные производства, где у нас еще есть шанс вырваться на конкурентоспособный уровень, и систематически поддерживать их, координируя соответствующие мероприятия в рамках финансовой, денежно-кредитной и внешнеэкономической политики. В сущности, речь здесь идет о производствах, которые близки к мировым стандартам. На их основе еще есть возможность создать массовое производство и сбыт. Кроме ВПК, это, например, самолетостроение, судостроение, атомное машиностроение, космос, частично химическая промышленность и пр.

Во-вторых, предстоит выявить отрасли, которые надо спасать по соображениям чисто социальным. Например, автопром, где мы отстали сильно, но в котором заня-

то огромное количество людей. Можно было бы и пожертвовать собственным производством, полностью раствориться в импортных поставках. Но в таком случае как быть с людьми? Если закрыть АвтоВАЗ, получится, скорее всего, социальный взрыв. И я согласен с правительством, что завод необходимо поддерживать.

В-третьих, следует обозначить производственные сферы, необходимые для обеспечения национальной безопасности. Такие предприятия надо поддерживать независимо от того, отстали они или нет от мирового уровня. Здесь возникает множество проблем – коммерциализация научных разработок, нехватка дееспособных проектных бюро, квалифицированных рабочих, инженеров, техников. Их целый комплекс, так как и разрушалось все в комплексе.

Особенно следует подчеркнуть угрозы, связанные с перспективами образовательной системы России. В обществе складывается далеко не однозначное отношение к проходящим реформам образования. Пути, по которым пошли реформаторы высшей школы, во многом нарушают традиции российской образовательной культуры, то лучшее, что отличало систему профессиональной подготовки кадров ранее.

Профессиональная подготовка кадров жестко привязывается к текущим требованиям рынка труда к квалификации и трудовым навыкам рабочей силы. Значение творческих и воспитательных целей образования снижается. Платность ведет к значительной дифференциации обучения по качеству, ограничению доступа к качественному образованию, и это, в конечном итоге, скажется на интеллектуальном потенциале общества и на способности экономики к инновационному развитию.

Между тем реформы образования в продвинутых странах ориентированы на образ будущего – «экономику знаний», повышение творческого начала в учебном процессе, интеграцию науки и образования, взаимодействие образования и бизнеса в процессе подготовки специалиста. В России же пока доминирует мотив снижения социальной нагрузки на бюджет, сокращения участия государства в развитии образовательных институтов.

Как бы то ни было, в отечестве предстоит использовать все возможности для восстановления собственного научно-технического потенциала и развития новых высокотехнологических отраслей промышленности, диверсификации всего хозяйства. При этом надо иметь в виду, что времени для выстраивания приоритетов остается все меньше, поскольку при сохранении нынешней неопределенности уже через пять-шесть лет страна окончательно утратит научно-технический потенциал. И надо будет начинать с чистого листа. В конечном счете, путь восстановления и развития – единственно верный и надежный, чтобы занять в мире место одной из ведущих держав и прочно утвердиться в этом качестве.

Сегодняшняя модернизационная риторика, включая страстное упование на Сколково, – это отнюдь не полноценный аналог модернизационных усилий. При трехлетних планах, тем более при «ручном» управлении, мы не добьемся реального эффекта. Нужна долгосрочная социально-экономическая стратегия государства, в которой будут четко указаны субъекты, механизмы и сроки ее реализации. Кстати, только тогда здесь появятся реальные возможности для рационального взаимовыгодного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда в рамках такого относительно однородного пространства начнут формироваться и функционировать собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Некоторый оптимизм внушает в свете сказанного пока еще не полностью завершившийся мировой финансово-экономический кризис, который дает нам очередной шанс на коренные перемены в экономике, на избавление ее от монокультурной зависимости. Сегодня это можно сделать, используя тот факт, что хозяйственные трудности испытывают все страны, в том числе и развитые. Восстановление мировой и европейской экономики, похоже, не будет быстрым. Мощности предприятий стран Евросоюза, производящих современные машины и оборудование, в целом заполне-

ны в беспрецедентно низких объемах. Речь идет главным образом о так называемых инвестиционных товарах, на которые нет спроса внутри ЕС, но которые нужны нам. Необходимо использовать эту ситуацию с помощью «big deal» («большой сделки»), создав своеобразный Совет экономической взаимопомощи ЕС – Россия. Европейский союз – наш естественный союзник. Он заинтересован в нас, ибо нуждается в существенном увеличении вялого пока спроса. Нам же необходима диверсификация производства, которую предстоит провести с помощью европейского технического потенциала. Не исключено даже, что стране потребуются привлекать европейских рабочих в качестве инструкторов на наши обновляемые предприятия.

Но сначала мы должны представить план, из которого станет ясно, какая европейская продукция нам нужна. Тогда и странам ЕС будет проще приспособиться к нашим потребностям. В позднесоветское время была, как известно, принята Комплексная программа научно-технического прогресса (КП НТП). Что-то подобное было

бы целесообразно создать и сегодня, но уже в рыночном режиме, во-первых, и на истинно равноправной и взаимовыгодной основе, во-вторых.

В общем, на повестке дня стоит трудная задача – выработать перспективную политику стимулирования отечественного производства, не загоняя себя в ловушку изоляционизма, который, в конечном счете, заблокировал бы не то что модернизацию, но и просто сколько-нибудь цивилизованное развитие экономики. И еще одна не менее сложная задача – найти рынки сбыта для потенциально высокотехнологических товаров, которые нам предстоит научиться производить. При условии объединения российских научных достижений и коммерческого потенциала Евросоюза страна еще может начать производить конкурентные продукты международного уровня.

Словом, шансы на успех модернизационного проекта есть, но и риски огромны. Опасения по поводу величественного начинания обоснованы. Но уклониться от него – значит гарантированно скатиться в мировое технологическое захолустье.

Материал поступил 12.01.2011 г.